

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ КРИТИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА К. ПОППЕРА И В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Анализируется проблема легитимации знания в концепции критического рационализма К. Поппера и постмодернистском дискурсе; осуществляется попытка рассмотрения тавтологии как принципа легитимации знания (Р. Барт, Ж.Ф. Лиотар). Предполагается, что упорядоченность элементов определяется нормой, но не может объясняться последней: актуальность нормы становится таковой в результате следования определённым правилам. Рассматривается вопрос о возможности / невозможности фальсифицирования базисного высказывания в аспекте метафизической природы последнего (К. Поппер).

Ключевые слова: дефиниция; тавтология; легитимность знания; рациональность; дискурс; онтология дискурса.

Любая система знаний как целостное образование, испытывает необходимость в *мета*принципах, т.е. в принципах основания, обуславливающих возможность актуальных для этой системы следований и заключений. Поэтому, анализируя проблему возможности легитимации знания в контексте современной аналитической и постмодернистской философии, сталкиваемся с проблемой тавтологии. И в этой связи возможная тавтологичность знания (теорий, гипотез и т.д.) является феноменом, требующим как аргументации, так и контраргументации. Предложенная к анализу проблема *тавтологичности знания* (и тавтологичности дефиниции) на первый взгляд, с точки зрения логики, может вызвать обоснованное удивление, так как тавтология и дефиниция – это различные понятия, и пытаться обнаружить их эквивалентность – это нонсенс.

Так дело обстоит именно с точки зрения формальной логики, с точки зрения сравнительного анализа (аналитической философии и постмодернистской философии) возможностей легитимации знания различных дискурсов, предложенного К. Поппером и сформулированного Р. Бартом, мы можем констатировать, что проблема легитимации знания может иметь и другие аспекты. Тавтология – это тождественно истинное высказывание вне зависимости от значений входящих в него компонентов, а дефиниция – это логическая процедура придания фиксированного смысла терминам, но рассуждения К. Поппера относительно *тавтологического характера* эволюционной теории указывают на смещение формально-содержательного характера. Поэтому тавтологичность теории, по К. Попперу, – это, скорее всего, феномен интерсубъективности или контекстуальности знания. У представителя раннего постмодернизма Р. Барта мы также встречаем сходное видение тавтологии (смещение формальности в содержательность): «Тавтология – это такой словесный приём, когда предмет определяют через него же самого (“Театр – это театр”）」 [1. С. 316]. Поэтому, исходя из факта формально-содержательного смещения в двух «непересекающихся» направлениях, представляется актуальным определить возможные обоснования и аргументации данного смещения в контексте аналитического и постмодернистского знания второй половины XX столетия.

Итак, возможна ли легитимация знания посредством тавтологии в аспекте рационального подхода? Конечно же, нет; более того, нельзя найти прямого

отрицания в работах представителей различных направлений такого положения дел, так как выражение причинно-следственных отношений в языке для них является безусловным фактором научности дискурса. Но так положение дел выглядит только формально. Для конкретизации разницы между «формальностью» и «существенностью» (реальностью) ситуации воспользуемся следующим рассуждением Р. Барта: «Родители, которых ребёнок замучил вопросами “почему”, отвечают “потому что это так...”»; в этом стыдливом магическом акте имитируется словесный жест рациональности, но сама рациональность тут же и отбрасывается – предполагается, что мы отдали должное принципу причинности, произнеся её вступительное слово» [1. С. 316, 317]. Таким образом, формальность сохраняет иллюзию рациональности: «...потому что...».

Пример Р. Барта, безусловно, имеет отношение к ненаучному дискурсу, но, не забывая о принципе формализации, мы не можем игнорировать и фактор общности языковых конструкций (высказываний): принцип обусловленности актуален не только для так называемых бытовых высказываний, но также и для научных: «Теория систем и предлагаемый ею тип легитимации не имеют под собой никакой научной базы: во-первых, наука не функционирует сама собой в собственной парадигме, согласно принятой в этой теории парадигме систем, а во-вторых, общество не может быть описано по этой парадигме в терминах современной науки», – отмечает Ж.Ф. Лиотар [2. С. 51].

Следовательно, попытки рационализации научного дискурса тщетны с точки зрения *ratio*: по сути, в данном случае мы пребываем в состоянии намерения *описать* принципы конституирования какого-то метаязыка посредством языка, для анализа которого и был создан первый. Данная ситуация – классический пример «порочного круга». Ж.Ф. Лиотар пришёл к вышеприведённому заключению, рассуждая по поводу природы и закономерности формирующихся норм парадигмы, описанных Т. Куном, указав на то, что единственной «неизменяющейся» нормой (единственной константой) как научного, так и не-научного дискурса является норма некоей соотнесённости в самом широком смысле, даже если речь идёт о принципе «непрогнозируемости открытий» [Там же]. Необходимость такого рода соотнесённости является для нас нормативной а *priori*. Возможно, это и есть одно

из оснований так называемой причинности любого дискурса, которая приобретает в каждом конкретном случае либо явную, либо неявную форму. В этой связи обратимся к известному тезису Трактата Л. Витгенштейна: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать» [3. С. 73]. Что является или может являться фактором «невозможности» говорить? Следует отметить, что в данном случае *то*, «о чём невозможно говорить», не отождествляется с разрушением определённой реальности для нас, хотя экзистенциальность последней и приобретает для нашего сознания черты некоего инобытия, сродни понятию вечности у Бл. Августина. Другими словами, это уже мир – не как «факты в логическом пространстве» [Там же. С. 5]. Упорядоченность элементов, определённая конкретной нормой, не объяснима этой же нормой, так как актуальность первой только лишь становится таковой в результате следования определённым правилам и не более того.

Постоянные поиски и попытки выдать желаемое за действительное приводят нас к следующей констатации: «В тавтологии совершается двойное убийство – человек убивает рациональность, которая ему противится, и язык, который его подводит. Тавтология – это как бы кстати случившийся обморок, спасительная утрата речи...» [1. С. 316].

Таким образом, перманентные попытки рационализации легитимности корреляции конституэнт научного (как и не-научного) дискурса приводят нас к признанию факта невозможности этой легитимности, а также к констатации, что и кажущаяся необходимость всеохватывающей рационализации имеет совершенно иррациональный характер: мы пытаемся осуществить то, что заведомо невозможно, и вместо признания конкретной языковой игры [4] тщетно пытаемся выйти за пределы этой игры, отрицая полную непрозрачность для нас «неигрового пространства». При таком положении дел размывание границ научного / не-научного дискурса не смущает неопозитивистов, которые при этом игнорируют реальность, описанную Э. Кассирером так: «Для мифологического мышления между тем, что “есть” вещь, и местом, где она находится, связь никогда не бывает чисто “внешней” или случайной, напротив, место само представляет часть её бытия, вещь закреплена за местом множеством определённых внутренних связей» [5. С. 107]. Следовательно, пытаясь бесконечно расширять правила игры, мы тем самым сталкиваемся с иррациональностью конкретного дискурса. Другими словами, утверждая исключительно правомерность рационального познания / понимания, мы отрицаем допустимость возможного для нас знания / понимания в принципе.

К. Поппер утверждает, что «из экзистенциального высказывания ничего не следует относительно возможного мира опыта. Вместе с тем тот факт, что из базисного высказывания следует чисто экзистенциальное высказывание, не может быть использован в качестве аргумента в защиту эмпирического характера последнего. Каждая тавтология следует из любого базисного высказывания... Из противоречивого высказывания можно логически обоснованно вывести

любое высказывание. Следовательно, класс его потенциальных фальсификаторов совпадает с классом всех возможных базисных высказываний: оно фальсифицируется любым высказыванием» [6. С. 121, 122]. То есть из экзистенциального (как и метафизического) высказывания не может следовать то, что касалось бы эмпирического мира. Значит, тавтологичность метафизического высказывания в этой связи выглядит тривиальностью. Но какое это имеет значение для базисного высказывания, если оно, возможно, имеет ту же природу: «Базисные высказывания имеют форму сингулярных экзистенциальных высказываний» [Там же. С. 135]. В данном случае рассуждение К. Поппера приводит к вопросу: «сообщает» ли что-либо базисное высказывание об эмпирическом аспекте? И если из базисного высказывания ничего не следует, то это – тавтология. Но при этом базисные высказывания – это высказывания, структурирующие определённым образом эмпирический аспект реальности. Поэтому возникает ещё вопрос: могут ли теории, структурирующие наш опыт определённым образом, быть тавтологичными? Другими словами, может ли из базисных высказываний (как и из теорий) ничего не следовать? Если следовать выводу Л. Витгенштейна позднего периода о том, что теории, как и базисные предложения, – это описания, то невозможно игнорировать следующее: то, что является описанием (возможно, дефиницией) не может быть не тавтологией. Таким образом, тавтология как единственно возможная форма описательной деятельности (частью которой являются и теории, и гипотезы, и базисные высказывания) действительно ничего не сообщает (и не может сообщить в принципе) ни о мире, ни о нас как его элементах и т.д. Базисные высказывания как элементарные предложения – суть тавтологии.

К. Поппер утверждает следующее: «Фальсифицирующее базисное высказывание представляет собой конъюнкцию начальных условий с отрицанием выводимого предсказания» [6. С. 168]. Итак, конъюнкция К. Поппера, фальсифицирующая высказывания, не может избавить нас от противоречия базисного высказывания и фальсифицирующего высказывания. То есть базисное высказывание и фальсифицирующее базисное высказывание возможны при использовании различной аргументативной базы. Поэтому фальсифицирующее базисное высказывание не может быть конъюнкцией начальных условий и отрицания базисного высказывания, так как в такой конъюнкции не учитывается та самая аргументативная база высказывания, теории (собственно, онтология дискурса), на основании которой представлено как само базисное высказывание, так и фальсифицирующее базисное высказывание.

Если рассматривать теорию идей Платона, как предлагает К. Поппер, как «теорию окончательного объяснения», то, безусловно, в этом случае необходимо прибегнуть к анализу объяснения с точки зрения дефиниции, т.е. необходимо проследить, каким образом объясняемое становится объяснимым / объяснённым. Принцип данного объяснения К. Поппер излагает следующим образом: «Платон считал, что третий мир Форм и Идей обеспечит нас окончательными

объяснениями (то есть объяснениями посредством сущностей). Так, он, например, пишет: “Если существует что-либо прекрасное помимо прекрасного самого себе, оно, мне кажется, не может быть прекрасным иначе, как через причастность прекрасному самому по себе. Так же я рассуждаю и во всех остальных случаях”. Это есть теория окончательного объяснения, то есть объяснения, чьи экспликанты не могут быть объяснёнными и не нуждаются в дальнейшем объяснении. Это есть теория объяснения посредством сущностей, то есть посредством гипостазированных слов. Платон рассматривал объекты третьего мира как нечто подобное нематериальным вещам, которые наши умы могут пристально рассматривать и интуитивно постигать, но с которыми они не в состоянии соприкоснуться. Вот почему обитателями третьего мира – формы и идеи – становятся понятия о вещах, сущности... а не теории, рассуждения или проблемы» [6. С. 460, 461]. Из чего следует, что объяснение у Платона посредством дефиниции сводится к тавтологии. А может ли в данном случае быть по-другому? Платоновские идеи (эйдосы) транслируются посредством неких символов, различные истолкования которых совершенно не уточняют ни их экстенционала, ни их интенционала. Поэтому именно в связи с выводами К. Поппера по объяснительной теории идей Платона и возникает вопрос о возможности дефиниции как тавтологии.

К. Поппер утверждает, что эволюционная теория тавтологична: «Беда эволюционной теории состоит в том, что она имеет тавтологический <...> характер: эта беда происходит из того, что дарвинизм и теория естественного отбора, как бы важны они ни были, объясняют эволюцию с помощью принципа “выживания наиболее приспособленных”... А тем не менее трудно обнаружить различие, если только оно существует, между утверждением: “Те, кто выжил, наиболее приспособлены” – и тавтологией: “Выжили только те, кто выжил” <...> у нас нет другого критерия определения приспособленности, чем реальное выживание, и значит, именно из того, что некоторые организмы выжили, мы заключаем, что они были наиболее приспособленными, наилучшим образом адаптировавшимися к условиям своего существования» [Там же. С. 538].

Действительно, между утверждением «Те, кто выжил...» и тавтологией «Выжили только те...» различия *de facto* не существует, но К. Поппер, тем не менее, представляет первое суждение как утверждение, а второе – как тавтологию (хотя и сомневается в правильности характеристик данных высказываний). Поэтому возникает вопрос: возможно ли неявную тавтологию рассматривать как некое информативное сообщение, т.е. правомерно ли в таком случае утверждение, что тавтология ничего не описывает? «Предложение показывает, что оно говорит; тавтология и противоречие показывают, что они не говорят ничего. У тавтологии нет истинностных условий, ибо она безусловно истинна, противоречие же не истинно ни при каких условиях. Тавтология и противоречие бес-

смысленны. Но тавтология и противоречие не бессмысленны, они принадлежат символической, подобно тому как “0” принадлежит символической арифметике», – утверждает Л. Витгенштейн [3. С. 33, 34]. Следовательно, тавтология как описание какого-либо положения дел истинна («Истинность тавтологии достоверна... Логическое произведение тавтологии и предложения говорит то же самое, что и само предложение» [Там же. С. 34]), но возможна ли тавтология как описание вообще? Если вместе с К. Поппером признать мир идей Платона «теорией окончательного объяснения», то мы окажемся в такой ситуации, при которой теория эволюции (являющаяся явной тавтологией) тоже будет отнесена к классу теорий окончательного объяснения.

Такое имплицативное рассуждение Платона, как «теория окончательного объяснения», отсылает нас к проблеме символа: мы соотносим определённым образом множество понятий с множеством символов, что в конечном итоге и является презентацией тавтологии как «теории окончательного объяснения». Другими словами, эта теория является одновременно и тавтологией и презентацией определённого дискурса, изначально определившего культурно-историческую европейскую традицию. Но, тем не менее, тавтология как описание и тавтология как невозможность описания – явное противоречие. Если тавтологию «Выжили только те, кто выжил» мы несколько изменим (посредством отрицания второй части): «Выжили только те, кто не выжил», то полученное рассуждение будет противоречием. В связи с чем возникает вопрос о том, может ли данное противоречие быть информативным, учитывая природу противоречия? С точки зрения аспекта видения языковой игры Л. Витгенштейна, данное противоречие может являться частью мистического, религиозного и т.п. дискурса.

Таким образом, *de facto* противоречие становится своеобразным описанием (нарративом), так как данное предложение приобретает информативность. Следовательно, как тавтология, так и противоречие могут быть конституентами только такого дискурса, который не исключает тавтологию и противоречие как неинформативные предложения. И тем не менее: тавтология – неинформативное предложение, дефиниция – определение (описание) чего-либо. Дефиниция не может являться тавтологией (описание всегда информативно), так как это одна из наиболее распространённых языковых игр и т.д. Именно такой аспект видения определяет теорию логического следования (из тавтологии ничего не следует, а из противоречия следует всё, что угодно).

Таким образом, проблема тавтологичности дефиниции – это проблема возможности / невозможности конкретного дискурса, конституирование которого определяется его онтологией, при этом «рационализация» последней, несмотря на всю парадоксальность ситуации, приобретает апофатический статус.

Именно такой вариант понимания тавтологии фактически предложен Р. Бартом, который апеллировал к определению предмета через сам предмет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Мифологии. М. : Академ. проект, 2010. 351 с.
2. Лиотар Ж. Состояние постмодерна. URL: <http://www.philosophy.ru/library/lyotard/postmoderne.html> (дата обращения: 23.11.2013).
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. II. С. 5–73.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. II. С. 78–319.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2 : Мифологическое мышление. М. : Академ. проект, 2011. 279 с.
6. Поннер К. Логика и рост научного знания. М. : Прогресс, 1983. 605 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 22 сентября 2014 г.

PROBLEMS OF LEGITIMATION OF KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF CRITICAL RATIONALISM OF K. POPPER AND IN POST-MODERN DISCOURSE

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 45–48. DOI 10.17223/15617793/390/8

Goncharenko Mark V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

Keywords: definition; tautology; legitimation of knowledge; rationality; discourse; ontology of discourse.

The article analyzes the problem of knowledge legitimation in analytical and postmodern aspects; performs an attempt to review tautology as the principle of knowledge legitimation (R. Barthes, J.F. Lyotard). It is assumed that the ordering of elements is determined by the norm, but cannot be explained by the latter: the relevance of norms becomes so as a result of following certain rules. The question of the possibility / impossibility of falsifying the basis statements is considered in terms of metaphysical nature of the latter (K. Popper). The principle of knowledge legitimation, which is referred to by the representatives of neo-post-positivism, is a permanent attempt to rationalize the irrational. But this attempt may be successful only within the set (pre-specified) rules of the game, as in fact in every case there takes place the determination of the rational as rational and the irrational as irrational by its opposite. In this case, as an example, the article describes the so-called "theory of final explanation" of K. Popper in which he interprets Plato's theory of ideas in terms of the nature of definition. Taking into account L. Wittgenstein's statement that "Verity of tautology is reliable... The logical product of tautology and proposals says the same thing as the original proposals", it is necessary to take into account the possibility / impossibility of tautology as description in principle. If following K. Popper we recognize Plato's world of ideas as the "theory of final explanation", we find ourselves in a situation in which the theory of evolution, which is an obvious tautology, will also be assigned to the theory of final explanation. K. Popper's statements about the tautology of the evolutionary theory lead to a question why implicit tautology (unlike explicit tautology) can be regarded as an informative statement, and whether it is lawful in this case to share an opinion that tautology describes nothing? Thus, the problem of tautology of a definition is a problem of possibility / impossibility of a particular discourse, assertion of which is determined by its ontology, and "rationalization" of the latter, despite the paradoxicality of the situation, gets an apophatic status.

REFERENCES

1. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Akadem. proekt Publ., 2010. 351 p.
2. Lyotard J. *Sostoyanie postmoderna* [Postmodern condition]. Available from: <http://www.philosophy.ru/library/lyotard/postmoderne.html> (Accessed: 23rd November 2013).
3. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Works on philosophy]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Pt. II, pp. 5–73.
4. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Works on philosophy]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Pt. II, pp. 78–319.
5. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]. Moscow: Akadem. proekt Publ., 2011. Vol. 2, 279 p.
6. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya* [Logic and growth of scientific knowledge]. Moscow: Progress Publ., 1983. 605 p.

Received: 22 September 2014